

С.А. Давыдов

S. Davydov

**К ВОПРОСУ
ОБ ИМПЕРАТИВАХ
ДЕСПОТИЗМА В
ПРАКТИКЕ УПРАВЛЕНИЯ
ХОЗЯЙСТВЕННОЙ
СИСТЕМОЙ ДРЕВНЕГО
ЕГИПТА**

**THE IMPERATIVES
OF DESPOTISM IN
THE PRACTICE OF
MANAGEMENT OF
ECONOMIC SYSTEM OF
ANCIENT EGYPT**

Аннотация

В статье рассматривается проблема деспотизма в практике управления хозяйственной системой Древнего Египта. На основе анализа нарративных источников автор выдвигает предположение о том, что древнеегипетские дисциплинарные санкции в целом не отличались чрезмерной жестокостью, а деятельность чиновников ограничивалась системой культурных и институциональных рамок, находилась под социальным контролем. Чиновничество было нацелено на исполнение служебных обязанностей при управлении хозяйством, следует полагать, подобные установки формировались не только под влиянием стандартов духовной культуры и институциональных ограничений. Не в последнюю очередь они являлись следствием высокой меры ответственности государственных служащих за допущенное ими своеволие и хозяйственные преступления. Можно отметить, что базовые принципы, на которых основывалась древнеегипетская управленческая модель, не теряет своей актуальности.

Ключевые слова:

Древний Египет, управление, дисциплинарные санкции, деспотизм, хозяйственная система.

Abstract

In the article the problem of despotism in the practice of management of economic system of Ancient Egypt. Based on the analysis of narrative sources, the author suggests that ancient Egyptian disciplinary sanctions in General should not be excessive cruelty, and the activities of officials was limited by cultural and institutional framework was under social control. The bureaucracy was aimed at the duty in the management of the farm. Presumably, these attitudes were formed not only under the influence standards, spiritual culture and institutional constraints. Most likely they were the result of high responsibility of public officials for committed by them willfulness and economic crimes. It can be noted that the basic principles on which was based the ancient Egyptian management model, does not lose its relevance.

Key words:

Ancient Egypt, administration, disciplinary sanctions, despotism, economic system.

В современном научном сообществе до сих пор циркулирует мнение о том, что древнеегипетская система управления хозяйством была порождена произволом жестоких правителей и покоилась на страхе и бесправии социальных низов,

в силу чего не представляет значительного интереса для современной практики. В немые свидетели деспотичности древнеегипетских практик управления хозяйством обычно призываются дошедшие до нас циклопические сооружения, которые при достигнутом египтянами уровне развития средств производства едва ли удалось бы создать без принуждения к труду огромных и хорошо организованных масс людей. Кроме того, в пользу процветания деспотизма в нильском государстве могла бы свидетельствовать блистающая своей завершенностью иерархическая структура древнеегипетского общества, которая, согласно распространенному мнению, могла возникнуть только в ходе длительного развития. Ну а то, что Египет за явным преимуществом выиграл цивилизационную гонку у Междуречья и первым на Ближнем Востоке построил централизованное государство, могло бы говорить о том, что и вступил он в эту гонку прежде других, и, следовательно, оказался наиболее удаленным от добродетелей современного общества – легитимности рациональной бюрократии, развитой системы правовой защиты и независимости личности [3, с. 710].

Восприятию Древнего Египта как первой восточной деспотии немало способствовало и то обстоятельство, что в отличие, например, от жителей Месопотамии, позаботившихся о том, чтобы оставить современному исследователю сведения о характере управления хозяйственной жизнью на десятках тысяч прекрасно сохранившихся глиняных табличках, египтяне оказались куда менее предусмотрительными. Папирус и кожа, которые в большинстве случаев использовались ими как носитель информации, были материалом недолговечным и легко подвергаемым порче. И потому не кажется странным, что до нас дошло ограниченное число древних свитков, равно как и то, что записанные на них тексты оказываются сильно поврежденными, а содержащаяся в них информация носит отрывочный характер. В условиях дефицита информации даже добросовестный исследователь во многих случаях попросту вынужден строить анализ системы управления хозяйственной жизнью Древнего Египта на основе широкого привлечения метода исторической реконструкции.

В ходе реализации этого метода при интерпретации известных нам социальных фактов сложно удержаться от искушения использовать современные ценностные и научные критерии, а, следовательно, избежать этноцентризма при оценке культурно-хозяйственных практик «гидравлических» обществ, приписывая им антигуманизм и неспособность к прогрессу [24]. Однако если исследователю все же удастся остаться на позициях культурного релятивизма, то у него

появляется возможность сформировать более адекватную модель восприятия системы управления хозяйственным комплексом Древнего Египта.

Прежде всего, можно поставить под сомнение справедливость распространённого и по сей день в науке мнения о том, что в управлении хозяйством представители правящей верхушки Древнего Египта проявляли безудержную жестокость по отношению к своим подчинённым. Безусловно, при управлении хозяйственным комплексом масштабов, подобных египетскому, руководители не могли обойтись без применения негативных санкций. И оттого нет ничего странного в том, что наказания составляли важную часть системы управления мотивацией и важным средством формирования конформизма работников.

Наиболее распространённой мерой взыскания и принуждения в Древнем Египте были телесные наказания, в частности палочные удары. Это наказание настолько прочно вошло в практику хозяйственной жизни египтян, что сцены палочных расправ можно нередко увидеть изображёнными на стенах гробниц высокопоставленных чиновников в качестве будничных эпизодов их жизни [7, с. 128–129].

«Видел я побои, видел я побои!» – восклицает Ахтой, убеждающий своего сына Пиопи не уклоняться от учения и тем самым вырваться из социальной страды, обречённой постоянно переносить телесные наказания [15]. Однако и высокий статус человека не гарантировал его физической неприкосновенности. Например, один из высокопоставленных сановников, поставленный начальником над ремесленниками, в своей посмертной надписи среди прочих своих жизненных достижений не забыл сообщить о том, что «ни разу не били (меня) пред сановником каким-либо с рождения (моего)» [5, с. 143].

О широком применении в хозяйственной практике наказания палкой говорит и дифференциация видов палочных ударов. Например, папирус Анастасии IV, относящийся к позднему периоду Нового Царства, содержит сведения о двух видах таких ударов. Документ повествует об участии воина, которого «приводят ещё маленьким, чтобы запереть в казарму. Удар-ишфи наносится по животу его, удар-перш – по бровям его. Голова его разбита в кровь. Повергают его, причем он извивается как лист папируса. Он разбит из-за битья» [18, с. 106].

Говоря о телесных наказаниях в Древнем Египте, следует отметить одно обстоятельство, на которое специалисты прежде не обращали внимания. Похоже, что практика их применения в отношении работников, занятых в государственном хозяйстве, принципиально отличалась от той, с которой

сталкивались самозанятые работники, связанные с государством лишь арендными и фискальными отношениями.

Документы Нового Царства свидетельствуют, что работающие «на себя» нарушители хозяйственных обязательств перед государством, а также перед другими хозяйственными агентами по решению судебных органов связывались и заключались под стражу (в формулировке из Берлинского папируса №9775 «люди стояли за их спиной» – автор). И уж совсем пугающую картину принуждения к исполнению обязательств рисует папирус Саллье I. Документ повествует о суровой участи земледельца, не сумевшего выплатить налог с урожая в связи с гибелью посевов и обессиливанием рабочей скотины. Сборщика налогов не интересуют причины недоимки. Он полон решимости получить свое сполна и призвать к ответу должника: «Писец причаливает к берегу. Он записывает урожай. Его помощники с палками, кушиты – с жилами пальмовых листьев. Они (говорят): «Дай, ты, ячмень» Нет (его). Они бьют его битьем-перш. Он связан и брошен в колодец. Он погружен в воду вниз головой, его жена связана перед ним, его дети скручены. Его соседи оставляют их, убегая, и пропал их ячмень» [18, р. 105].

Совсем иначе в ту же самую эпоху выглядит порядок применения наказаний работников, занятых в государственном секторе. Так, должностная инструкция предписывала верховному сановнику неустанно следить за регламентом применения телесных наказаний в подконтрольных ему «палатах» - территориально-производственных объединениях государственного хозяйства. «Пусть ни один сановник не присваивает себе права приговора в его палате, - говорится в инструкции. – Если возникнет жалоба на одного из сановников, присутствующих в его палате, то он велит привести его в судебное присутствие. Это верховный сановник накажет его соответственно его проступку. Пусть ни один сановник не присваивает себе права телесного наказания в его палате» [18, р. 1103].

В последнее время в научной литературе все чаще находит свое отражение еще один момент, характеризующий относительную гуманность модели управления хозяйственной жизнью в Древнем Египте. Исследователи фокусируют свое внимание на том, что нормотворцы нильского государства отнюдь не перегружали ее наиболее суровой карой, широко распространенной в других странах Древнего мира – смертной казнью [1, с. 10-14; 4, с. 157-160].

Причины этого явления, по-видимому, кроются в императивах духовной культуры древних египтян, предписывающих человеку воздерживаться от умышленного причинения смерти другим людям. Они проистекали из представлений

египтян о грехе и посмертном пути усопшего, желающего обрести прощение. Эти представления изложены в «Текстах Саркофагов», «Текстах Пирамид» и «Книге Мертвых» [10, с. 141—151].

Имеются основания считать, что религиозный императив «не убий» оказывал на египтян весьма сильное влияние. Даже в период боевых действий, которые время от времени вспыхивали на берегах Нила и за пределами Египта, убийства не становились массовым явлением. Нам это может показаться удивительным, но в ходе столкновений многотысячных армий счет потерям велся на десятки, в худшем случае, сотни человек с обеих сторон. Например, в ходе битвы у Мегиддо во время первого похода Тутмоса III войска царя добыли ему 84 руки (в доказательство своих побед египтяне отрезали у поверженных врагов руку), а во время последнего похода царя на 42 году царствования, было захвачено три города, при этом было добыто в общей сложности 29 рук. Наибольшие масштабы кровопролития в Новом Царстве рисует нам стела Аменхотепа II из Мит-Рахине., задекларированное количество отрубленных рук составило 372 [15, р. 1307]. Хотя описанные в документе заслуги и победы царя представляются явно преувеличенными (согласно тексту ночью он, не смыкая глаз, караулит на посту, повергает в одиночку отряд врагов, и т.д. – автор), а в самом тексте допускаются неточности при арифметических подсчетах завоеванных трофеев [15, р. 1309].

Впрочем, отрицательные установки сановников и правителей на применение смертной казни проистекали не только из религиозных запретов. Они имели и светские основания. Так, в поучениях, оставленных египетскими царями своим преемникам, рефреном звучит призыв к неприменению смертной казни по отношению к подданным. Например, в Поучении пятого Гераклеопольского государя царевичу Хети, будущему царю Мерикара, говорится: «Не убивай никого из приближенных к тебе, благоволи ему ради собственной пользы, ведь он уже испытан перед богом: даже один из них – это твое процветание на земле, когда сами боги оберегают царя. Внуши любовь к себе всей стране; добрый нрав – это добрая память, когда минут годы (жизни)» [6, с. 202]. И хотя автор поучений все же оставляет за преемником право на применение смертной казни, он призывает использовать эту меру только в отношении строптивцев, покусившихся на незыблемость государственных устоев и общественный порядок. «Остерегайся карать опрометчиво, – увещевает он, – не убивай, нет тебе в этом пользы. Ты станешь наказывать побоями и заключением, и благодаря этому обустроится вся страна; исключение лишь для бунтовщика, чей замысел раскрыт. Бог достоверно знает

строптивцев, но бог отвергает проливающих кровь: милосердный продлевает время своей жизни» [6, с. 195].

Традиция причинения смерти в качестве исключительной и вынужденной меры, как следует полагать, является инвариантой египетской системы управления хозяйством не только для Древнего царства, которое и вовсе не оставило нам документальных следов применения смертной казни, но даже во времена Среднего и Нового Царств, когда наказание смертью перестает быть редкостью.

Обращает на себя внимание неизменность перечня преступлений, за которые правители допускали применение смертной казни: как и прежде, она использовалась по отношению к египтянам, осуществляющим антигосударственную деятельность. Например, современник Яхмоса I говорит, что, завершив подавление восстания в Куше, царь «поплыл вниз по Нилу, имея все зарубежные страны у себя в кулаке и того подлого нубийца-кочевника висящим вниз головой на носу царского судна его величества» [18, р. 1–110]. Аменхотеп III спустя время и вовсе отдал приказ убить всех восставших, которые были захвачены в плен в ходе карательной операции в том же Куше. Такой вывод мы можем сделать по прочтении сообщения о восстании на этой территории. В нем кроме прочего содержится и хвалебное высказывание о владыке Египта: «Ты заставляешь говорить мятущихся против себя: «Поразило нас пламя имена наши!» Убиты для тебя противники твои все, будучи поверженными под стопами твоими» [14, р. 1661].

Впрочем, говоря о практике применения смертной казни в Древнем Египте, следует обратить внимание и на то, что даже по отношению к изменникам она применялась далеко не всегда. Те из них, действия которых не наносили непосредственного ущерба социальной стабильности или не могли причинить вреда, избегали смерти, а иногда и самого судебного преследования. Например, при взятии сирийского города Яффы египетским полководцем Тхутием, военачальником Тутмоса III, победители ограничились тем, что «овладели они городом, и малыми и великими, и связали их, и надели колодки тотчас же» [12]. Совсем не людоедским выглядит и пункт договора между Рамсесом II и хеттским царем Хаттушилем, касающийся выдачи египетских перебежчиков. В договоре, подписанном египетским царем и, следовательно, вполне выражающем его представления о возмездии преступникам, значится: «Если убежит из земли египетской один человек, или два или три, чтобы пойти к великому князю страны хеттов, великий князь страны хеттов должен схватить их и повелеть отправить обратно к Рамсесу II, великому правителю Египта. Что же касается человека, которого приведут к Рамсесу II, великому правителю Египта, пусть не взыщут с него его вины, пусть

не уничтожат его дом, его жен и его детей, (пусть не убьют его), пусть не повредят его глаз, его ушей, его рта и ног... все его» [17].

Принимая во внимание исключительность применения смертной казни даже за тяжкие преступления, кажется понятным, почему преступления в хозяйственной сфере, в основной своей массе, не наказывались смертью. На основе имеющихся данных можно судить, что острие этого пугающего инструмента редко было направлено на предотвращение даже самых тяжких хозяйственных преступлений, например, таких как «нецелевое» использование имущества дома Бога – материальных ценностей, а также земельных и людских ресурсов, принадлежащих храмам. Эти нарушения были вызваны тем, что, используя свое законное право производить мобилизацию экономических и трудовых ресурсов для организации общественных работ, некоторые государственные сановники иногда проявляли излишнее служебное рвение и нарушали иммунитет храмовых имущественных комплексов. Обращает на себя внимание при этом, что в периоды, когда власть располагала достаточным символическим капиталом, вырабатываемые ею негативные санкции отличались большей мягкостью, чем в периоды, когда она утрачивала свой авторитет. Декрет «А» из Коптоса, изданный в конце времени правления царя Пиопи II в эпоху Древнего Царства в промежутке от 2500 до 2400 г.г. до н.э. предписывает: «Что же касается начальника Верхнего Египта, который произведет их набор, или же какого-либо главы, какого-либо начальника отрядов Верхнего Египта, какого-либо начальника деклараций, какого-либо родственника царя, какого-либо начальника..., какого-либо начальника царских людей, который мобилизует их согласно документу о наборе, который будет принесен в канцелярии дома царских документов, дома настоятелей угодий, дома документов, снабженных печатью, чтобы они были отправлены на какие-либо работы дома царя, тот впал в дело враждебное» [23, с. 705–726].

Можно предположить, что в период Древнего Царства, когда авторитет фараона был непререкаемым, а сам он приравнивался к богу, запреты на реквизиции храмового имущества могли и вовсе не сопровождаться негативными санкциями. Для предотвращения этого, вероятно, было достаточно лишь морально-оценочных суждений и угрожающих предупреждений. Те же правовые документы эпохи Древнего Царства, которые содержали конкретные санкции за незаконные реквизиции, все же не устанавливали излишне суровых наказаний. К примеру, такие санкции значатся в указе царя Нефериркара, датированном XXV в. до н.э. и высеченном на известняковой плите в развалинах храма Осириса в Абидосе. Указ был направлен на защиту храмового имущества от экс-

проприации, а также челяди храмов от призыва на обязательные царские работы и завершался перечислением мер взыскания для лиц, превысивших свои служебные полномочия и тем самым нарушивших государственное царское право. В документе, адресованном начальнику жрецов Тинитского нома Хемуру, говорится: «Что же касается всякого человека нома, который захватит каких-либо жрецов, которые на какой-либо пашне бога, за которую они жречествуют в этом номе для дела (в) стаде вместе с работой всякого нома, да пошлешь ты его в судебную палату (причем он сам) будет посещен (в какое-либо стадо или гранитные каменоломни) или (место) пахоты ячменя. (Будет набран) всякий сановник, распорядитель царским имуществом, стражник, который сделает вопреки тому, что (я) приказал, (или) отдан в судебную палату, будет выведен дом, пашня, люди, всякое имущество под ним, (при этом) он будет помещен в какое-либо стадо» [19, р. 172]. Здесь законодатель устанавливает, что нарушения его указа должны рассматриваться в суде, причем в качестве санкций за должностные преступления он определяет конфискацию закрепленного за нарушителем имущества.

В период Нового Царства, когда власть фараонов начинает терять ореол божественности, предусматривалась более суровая кара за незаконное отчуждение храмового имущества. Например, Сети 1 (XIX династия, 1337–1317 гг. до н.э.) в своем декрете, направленном на защиту от посягательств имущественного комплекса и челяди Дома миллионов лет Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе», определяет: «Что касается всякого царского сына Куш, всякого начальника отряда, всякого князя, всякого агента, всякого человека, который уведет какого-либо человека Дома Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе» в порядке реквизиции, из округа в округ, (или) по договоренности в качестве обязанного пахать и в качестве обязанного убирать жатву, равным образом того, который уведет какую-либо женщину или какого-либо человека Дома Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе», равным образом их рабов в порядке реквизиции для производства какой-либо работы где бы то ни было во всей стране... – закон будет применен против него путем нанесения ему 200 ударов и 5 рваных ран, и будет взыскана работа человека Дома Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе» с него (виновника) за каждый день, который он (похищенный) будет работать у него (похитителя), причем он будет отдан в Дом Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе» [13, р. 198]. Приведенный пример служит хорошей иллюстрацией тому, как мог измениться характер наказаний за хозяйственные

преступления в условиях утраты правящей верхушкой Древнего Египта символического капитала.

Не обнаруживает древнеегипетская система управления хозяйством и явных проявлений другого, пожалуй, наиболее тесно связанного с понятием деспотизма признака – самоуправления, чинимого правителями и сановниками, «властвующими не на основании законов, а по произволу» [2, с. 114]. Ведь сегодня не вызывает сомнений, что лица, включенные во властную вертикаль Древнего Египта, вынуждены были осуществлять свою деятельность в рамках тесных социальных ограничений. Своими основами они укоренялись в глубинах духовной культуры и институциональной матрицы нильского государства, которые формировали у представителей правящего класса развитое чувство любви к порученному делу и ответственности за него, а также установку на следование существующим предписаниям и нормам.

Прежде всего, обратим внимание на то, что являлось предметом гордости египетских правителей, о чем они желали сохранить память в веках. В числе этих деяний мы, безусловно, встретим и военные успехи, и заслуги в подавлении смут и мятежей. Но важно отметить, что правители почти всегда подчеркивали вынужденный характер проявляемой ими жесткости, объясняя ее необходимостью сохранения социального мира и порядка. В деятельности же, связанной с организацией хозяйственной сферы, цари и сановники усматривали высшую добродетель совсем не в том, чтобы поставить ее на службу собственным интересам, а чтобы наиболее эффективным образом организовать социальное и экономическое воспроизводство подконтрольного им общества.

Вот, например, как рисует в посмертной надписи свой образ добродетельного начальника один из номархов по имени Амени, служивший при фараоне XII династии Сенусерте I (1980–1934 гг. до н.э.). «Не было дочери бедняка, которую я бы обидел, - доносит до потомков он. - Не было вдовы, которую бы я притеснял; не было..., которого бы я отверг; не было пастуха, которому бы я отказал, не было начальника «пятерок» людей которого захватил бы я из-за податей; не было нуждающихся около меня; не было голодающих в мое время. Когда настали годы голода, тогда возделал я все поля Антилопьего нома до границ его южных и северных. Дал я жить населению его и снабжал я его пищей. Не было голодных среди них; давал я вдове равно как замужней. Не различал я великого от малого, во всем, что давал я, было много ячменя, полбы и всяких вещей; не отбирал я недоимки с полей» [20, с. 16].

Похоже, к тем же добродетелям стремились и египетские цари. В частности, Рамзес III с нескрываемой гордостью говорит о том, как он заботился о населении в период своего правления, как бережно и уважительно он относился к подданным. «Я кормил всю страну: будь то мужчины, будь то египетский народ, мужчины и женщины. Я вызволил человека из беды его, и я дал ему дыхание. Избавил я его от сильного, более влиятельного, чем он. Дал я всем людям жить в спокойствии в их городах. Давал я пропитание иным из «Дома Утра». Удвоил я снабжение страны, тогда как прежде она была нищей. Страна была сытой весьма в мое правление. Делал я благие дела как богам так и людям. И не было у меня ничего из вещей других людей. Провел я царствование в качестве правителя Обеих Земель, причем (были) вы рабами у ног моих и не попираю я вас» [11].

В этом отрывке как в капле воды находит свое отражение все то, что в древнеегипетской культуре удостаивалось высшей моральной оценки, и какие деяния считались аморальными. Несложно увидеть, что предметом гордости Рамзеса III являлось то, что непосредственно выражало служебный характер деятельности правителя – обеспечение порядка и социальной стабильности, забота о бесперебойной работе хозяйственного комплекса, защита одного человека от эксплуатации «более влиятельным» другим, помощь нуждающимся, набожность. В то же время, в тексте присутствует отрицание насильственного присвоения «вещей других людей», и что имеет особое значение для нас, прямое отрицание деспотизма, права начальника «попирать» подчиненных.

Не менее определенно отрицается произвол и в поучении пятого Гераклеопольского государя Ахтоя Уахкара царевичу Хети. В нем царь пытается сформировать у будущего правителя Мерикара представление о власти как о непрерывном служении, бремени, которое несет правитель, вынужденный забывать о собственных пристрастиях и всецело отдавать себя интересам дела. Только в этом случае он унаследует высшую ценность, которую только и может иметь правитель – добрую память и репутацию благонаванного мужа. «Царская власть – это прекрасная служба, хот нет у нее ни сына, ни брата, – говорится в поучении. – Устанавливаются жертвоприношения для ее памятников одним царем, о котором заботится другой; достойный муж творит для своего предшественника, желая, чтобы другой, приходящий вслед за ним, заботился о том, что создал он» [6, с. 200]. Особое внимание царь Ахтой обращает на следование царевичем Хети принципу законности. Он требует, чтобы в пору своего правления он руководствовался не собственными амбициями и интересами, но, прежде всего, нормами права. «Разворачивай свитки, чтобы ты мог их читать и поступать сообразно

знанию» [6, с. 193], - наставляет он. Тем самым, царь Ахтой со всей определенностью отрицает деспотизм правителя и утверждает высшие принципы государственной службы: ее безличный характер, компетенцию и законность.

Идея нормативизации деятельности государственного служащего при управлении хозяйством нашла свое воплощение в должностной инструкции верховного сановника (чати-«визиря») Верхнего Египта. Она была найдена начертанной иероглифическим письмом на стенах гробниц верховных сановников Рехмира, Усера и Аменемопета, правящих в Фивах в XVI–XV вв. до н.э. Инструкция определяет широчайшую сферу компетенции верховного сановника, но при этом демонстрирует, насколько формализованы были его действия, насколько не свободен он был в принятии решений.

Каждый шаг верховного сановника был скован регламентом. К примеру, инструкция предписывала, что «он будет восседать на сиденье со спинкой, на полу будет циновка, на нем плетенка, за его спиной кожаная подушка, под его ногами кожаная подушка, на нем..., рядом с ним жезл: перед ним будет разложено 40 кожаных свитков (с законами), по обе стороны перед ним будут находиться вельможи, принадлежащие к числу 10 верхнеегипетских, направо от него будет начальник приемного чертога, налево от него заведующий приемом (?), рядом с ним писцы верховного сановника» [18, р. 1103].

Подобная регламентация, очевидно, была призвана придать деятельности верховного сановника глубоко символический смысл, возвышая его до образа, олицетворяющего закон. И надо сказать, что инструкция была составлена таким образом, что ее безукоризненное исполнение оставляло чиновнику немного возможностей для принятия произвольных решений, превращая его в исполнителя норм, вершителя правосудия. Вот, например, как инструкция регламентировала решение чиновника при рассмотрении земельных споров: «Что же касается всякого, кто обратится к верховному сановнику по поводу пахотных земель, то он потребует его к себе, помимо допроса заведующего пашнями и... присутствия. Он предоставит ему отсрочку на 2 месяца для его пашен в Верхнем и Нижнем Египте. Но что касается его пашен, расположенных по соседству с Фивами и резиденцией, то он предоставит ему отсрочку на 3 дня согласно тому, что стоит в законе. Он будет выслушивать каждого просителя согласно этому закону, что у него в руке» [18, р. 1103]. Несложно увидеть, что при рассмотрении спора о пашнях верховный сановник был свободен только в действиях, связанных с установлением обстоятельств дела, приведших к конфликту. Во всем остальном он должен был руководствоваться законом, определявшим и решение по существу, и срок

его рассмотрения. Добросовестный сановник не мог влиять даже на порядок приема просителей, поскольку инструкция определяла, что «будут выслушивать одного за другим, не допуская, чтобы пришедший последним был выслушан раньше пришедшего первым. Если пришедший первым скажет: «Рядом со мною нет никого, кого следовало бы выслушать (?)», то он будет схвачен доверенными верховного сановника» [18, р. 1103].

Установки чиновников на исполнение служебных обязанностей при управлении хозяйством, как следует полагать, формировались не только под влиянием стандартов духовной культуры и институциональных ограничений. Не в последнюю очередь они являлись следствием высокой меры ответственности государственных служащих за допущенное ими своеволие и хозяйственные преступления.

О том, что ответственность чиновников за проступки была высокой, свидетельствует декрет царя Сети I из Наури. Документ был направлен на защиту имущественного комплекса Дома миллионов лет Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе» от несанкционированных посягательств и представляет для нас интерес еще и тем, что различает ответственность людей, обладавших различным социальным статусом, за аналогичные преступления. Вот, к примеру, что говорится об ответственности за расхищение охраняемого декретом имущества, налагаемой на человека, не облаченного властью. «Всякий, который будет застигнут в хищении головы скота Дома Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе», закон будет применен против него путем отрезания носа и ушей, причем он будет сделан земледельцем в Доме Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе» (за свое преступление), и будут отданы его жена и дети в челядь начальника этого Дома» [13, р. 202]. Легко сравнить эту меру с мерой, применяемой по отношению к чиновнику, уличенному в воровстве того же самого имущества: «Что же касается всякого начальника быков, всякого начальника собак или всякого пастуха Дома Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе», который отдаст голову какого-либо скота Дома Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе» другому, равным образом того, кто жертвует ее на другом пути, не принося ее в жертву Осирису, хозяину ее в Доме Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе», – закон будет применен против него путем убийства его, причем будет он посажен на кол и будут взяты (?) его жена и дети и все его имущество в Дом Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе», и будет взыскана голова скота с того, кому он ее дал, как возмещение в пользу Дома миллионов лет царя Верхнего и Нижнего Египта Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе» в размере 100 за 1» [13, р. 203].

Как видно, расхитителю вне зависимости от его статуса вменялась в обязанность компенсировать нанесенный храмовому имущественному комплексу ущерб в стократном размере. Но если рядовой хозяйственный агент, будучи уличенным в расхищении храмового имущества, хотя и подвергался болезненному наказанию, но все же оставался в живых, то чиновник, поставленный надзирать за имуществом и использовавший свое должностное положение для личного обогащения, подвергался позорной и мучительной смерти.

Аналогично, за отказ от помощи представителям храма и невнимательное отношение к их жалобам люди, не имеющие властных полномочий и судьи, призванные стоять на страже исполнения законов, несли разную ответственность. Так, декретом установлено, что простолюдины в этом случае отделялись преследованием Осирисом «его жены и детей, чтобы покарать его имя, чтобы уничтожить его душу, чтобы не дать его телу упокоиться на кладбище» [13, р. 208]. Ответственность же судьи за невнимательное отношение к жалобе человека из храма «Сердце удовлетворено в Абидосе» носила куда более осязаемый характер. Декрет устанавливает, что если «он (член суда) останется глухим к нему (жалобщику – автор) и не поспешит на зов его, чтобы спешно рассудить его, – закон будет применен против него путем нанесения ему 100 ударов, (причем он будет отрешен) от своей должности и отдан в земледельцы (Дома) Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе» [13, р. 208].

Традиция предъявлять особые требования к чистоте помыслов и законности действий должностных лиц находит свое воплощение и в более поздние времена. Например, в египетских текстах эллинистического периода, как и в более ранних документах, мы не находим сведений о применении смертной казни за неуплату податей, занижение налогооблагаемой базы и другие хозяйственные преступления, совершенные рядовыми хозяйственными агентами. Немногочисленные упоминания о ее применении касаются случаев наказания должностных лиц, уличенных в махинациях, взяточничестве и воровстве. Один из примеров тому содержится в документе BGU 1250, содержащем жалобу на произвол чиновников, осуществляющих в корыстных целях махинации с персональными данными работников. Жалоба содержит ссылку на царский декрет, который нарушают чиновники: «Ибо было приказано всем должностным лицам никого не переименовывать, ни себя, ни родину, если же нет, делающего так смертью наказать» (стк. 13–14) [21, р. 186].

Столь же суровое наказание грозило поставленным на хозяйство корыстолюбцам, уличенным в махинациях с мерами и весами. Так, в документе Tebt. 5,

датированном 118 г. до н. э. и представляющем собой свод египетских законов в исполнении деревенского писца, говорится: «И поскольку случается, что ситологи (чиновники, ответственные за урожай – автор) и антиграфы (сборщики налогов – автор) пользуются большими бронзовыми мерами по сравнению с теми, которые указаны в каждом номе... мерами подмененные... взвешивают то, что приходится в казну и вследствие этого с земледельцев требуют не (верное) количество хойников (мера зерна – автор), они приказали, чтобы и стратеги и надзиратели за доходами, и царские писцы проверку мер наилучшим образом осуществили, причем в присутствии... и жрецов и клерухов и прочих, имеющих «землю в освобождении»... и больше не иметь ошибочных мер... Тех же, кто не будут по ступать в соответствии с этим, наказывать смертью (θαυατωι ζημιουσαι)» [21, р. 185]. Как можно убедиться, на протяжении тысячелетий представления египтян о справедливости требовали, чтобы высокий статус не защищал чиновника от ответственности за хозяйственные преступления. Напротив, применяемое к носителю высокого социального статуса наказание отличалось большей суровостью в сравнении с тем, которое ждало нарушителя, не облаченного властными полномочиями. Этим законодатель, видимо, хотел подчеркнуть уровень социальной ответственности человека, имеющего доступ к властным ресурсам и призванный обеспечивать порядок, справедливость и законность.

Нельзя сказать, конечно, что на практике представители правящего класса в принятии хозяйственных и административных решений всегда были свободны от личных пристрастий и вовсе не допускали произвола. О том, что подобное в действительности имело место, свидетельствуют многочисленные источники. Один из них – «Повесть о красноречивом крестьянине», – иератический текст, сохранившийся в четырех папирусах эпохи Среднего Царства. В нем эмоционально изложена история о самоуправстве чиновников и вельмож, беззастенчиво грабивших население. Оставляя в стороне все хитросплетения сюжета, остановимся кратко на фабуле произведения.

Крестьянин Натронового Оазиса отправляется в Египет с ослами, гружеными растениями «наа», растениями «редемт», натром, солью, деревом из страны... тую, деревом «аунт» из «Бычьей Земли», шкурами пантер, мехом волков, растениями «неша», камнем «ану»... камнем «сенет»... голубями, птицами «пару», птицами «угес»... (и) всякими иными ценностями из Натронового Оазиса. Но по пути он оказывается жертвой произвола, учиненного смотрителем мельницы по имени Тхутинахт, который хитростью отнял у крестьянина его имущество. Начало текста определенно говорит о том, что случаи самоуправства чиновников имели место.

Но дальнейшее изложение может убедить читателя в том, что простой человек отнюдь не был беззащитен перед чиновничьим произволом.

Из текста следует, что с жалобой на Тхутинахта крестьянин пришел к начальнику самоуправца, стоящему во главе дома Ренси. Тот, выслушав жалобу, направил свои стопы с докладом к царю Верхнего и Нижнего Египта Неб-Кау-Ра. Фараон потребовал, чтобы начальник дома Ренси возможно более подробно изложил существо жалобы крестьянина в письменном виде, для чего задержал бы крестьянина у себя и неоднократно заслушал его по существу дела. Также царь приказал до завершения разбирательства обеспечить самого истца, а также его жену и детей ежедневным довольствием в объеме 4 хлебов и 2 кружек пива. Крестьянин произнес перед начальником Тхутинахта в совокупности 8 речей, из которых тот составил детальное письменное донесение царю. На основании этого донесения последний вынес свое решение. Конец текста поврежден, но можно понять, что обидчик понес за свое самоуправство имущественную ответственность. В перечень отчужденной от него имущественной массы вошли 6 человек (вероятно, его рабы – автор), его ячмень, его полба, его ослы [22].

«Повесть о красноречивом крестьянине» представляет для нас интерес прежде все тем, что ее автор определенно симпатизирует крестьянину, оказавшемуся перед лицом произвола со стороны чиновника. Но он не противопоставляет крестьянина властной пирамиде. Напротив, он убежден в способности государственных институтов обеспечить защиту законных прав простолюдина. Конечно, описываемая в «Повести» процедура защиты жертвой самоуправления своих интересов выглядит художественным упрощением. Но эта идеализация все же подтверждает имеющиеся у нас документальные сведения о свойствах древнеегипетской системы ограничения произвола чиновников – ее многоступенчатости и восприимчивости к жалобам ущемленных в своих правах людей.

Подводя итог, выскажем предположение, что постулат о деспотизме, царившем в системе управления экономикой Древнего Египта, является скорее результатом неудачного теоретического конструирования, нежели отражением исторической реальности. Во всяком случае, имеющиеся в нашем распоряжении нарративы говорят о том, что применяемые органами управления экономикой дисциплинарные санкции и меры принуждения в целом не отличались чрезмерной жестокостью, а чиновничий произвол был окружен системой культурных и институциональных ограничений, был помещен в рамки социального контроля, основанного на обратной связи. Это дает нам определенные основания предположить, что древним египтянам все же удалось разрабо-

тать достаточно гуманную, и в то же время четко работающую и результативную систему управления экономикой. И если применявшиеся в Древнем Египте дисциплинарные практики с позиции сегодняшнего дня явно не выглядят бесспорными, то базовые принципы, на которых основывалась древнеегипетская управленческая модель, не теряют своей актуальности и поныне, а опыт организации хозяйственной жизни нильского государства вполне мог бы лечь в основу формирования образцов действия государственного служащего и управленца и в наш просвещенный век.

Литература

1. Демидчик А.Е. Смертная казнь в уголовном праве Египта периода Старого Царства // Вестник НГУ. Серия: Право. Том 2. Вып. 2. 2006.
2. Малый энциклопедический словарь. Т. 1. Вып. 2. СПб, 1907.
3. Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857-1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12.
4. Нежинский Ю.В. Смертная казнь в эллинистическом Египте // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 1. 2009.
5. Перепелкин Ю.Я. Хозяйство старо-египетских вельмож. М., 1988
6. Поучение пятого Гераклеопольского государя царевичу Хети, будущему царю Мерикара // Демидчик А.Е. Безымянная пирамида. Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб.: АЛТЕЙЯ, 2005.
7. Савельева Т.Н. Аграрный строй Египта в период Древнего царства. М., 1962.
8. Хрестоматия по истории Древнего Востока: учеб. пособие в 2-х частях. Ч. I / под ред. М.А. Коростовцева, И.С. Кацнельсона, В.И. Кузицина. М: Высшая школа, 1980.
9. Хрестоматия по истории древнего мира / под ред. В.В. Струве. Т. 1. Древний восток. Введение. М.: Изд-во Учпедгиз, 1950.
10. Чегодаев М.А. Древнеегипетская Книга Мертвых — фрагменты перевода и комментарии // Вопросы истории. 1994. №9.
11. Erichsen W. Papyrus Harris. Hieroglyphische Transcription. Bibliotheca Aegyptica, vol. V. Bruxelles, 1933.
12. Gardiner A.H. Late-Egyptian Stories. Bruxelles, 1932.
13. Griffith F.L. The Abidos Decree of Seti at Nauri. Journal of Egyptian Archeology, Vol. 13. 1927.

14. Helck W. Urkunden der 18. Dynastie. Berlin, 1957.
15. Helck W. Urkunden der 18. Dynastie, Lieferung 17. Berlin, 1955.
16. Maspero Q. Du genre epistolaire chez les egyptiens de l'epoque pharaonique. Paris, 1872.
17. Muller W.M. Der Bundnisvertrag-Ramses II und des Chetiterkorigs. Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft. Bd. V, 1905.
18. Sethe K. Urkunden der 18. Dynastie. Leipzig, 1905–1909.
19. Sethe K. Urkunden des Alten Reichs. Leipzig, 1932.
20. Sethe K. Urkunden des mittleren Reiches. Urkunden des agyptischen Altertums, Leipzig, 1932.
21. Taubenschlag R. Law of Greco-Roman Egypt in the Light of Papyri. New York, 1944.
22. Vogelsang F. Kommentar zu den Klagen des Bauern. Leipzig, 1913.
23. Weill R. Les Decrets royaux de l'ancien empire egyptien. Paris, 1912.
24. Wittfogel K. Oriental despotism: a comparative study of total power. New Haven: Yale University Press, 1957.

References

1. Demidchik A.E. Smertnaya kazn' v ugovnom prave Egipta perioda Starogo Tsarstva. Vestnik NGU. Seriya: Pravo. Tom 2. Vyp. 2. 2006.
2. Malyi entsiklopedicheskii slovar'. T. 1. Vyp. 2. SPb, 1907.
3. Marks K. Vvedenie (Iz ekonomicheskikh rukopisei 1857-1858 godov). Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. T. 12.
4. Nezhinskii Yu. V. Smertnaya kazn' v ellinisticheskom Egipte. Vestnik SPbGU. Ser. 2. Vyp. 1. 2009.
5. Perepelkin Yu. Ya. Khozyaistvo staro-egipetskikh vel'mozh. M., 1988
6. Pouchenie pyatogo Gerakleopol'skogo gosudarya tsarevichu Kheti, budu-shchemu tsaryu Merikara. Demidchik A.E. Bezymyannaya piramida. Gosudarstvennaya doktrina drevneegipetskoj Gerakleopol'skoj monarkhii. SPb.: ALETEIYa, 2005.
7. Savel'eva T.N. Agrarnyi stroi Egipta v period Drevnego tsarstva. M., 1962.
8. Khrestomatiya po istorii Drevnego Vostoka: ucheb. posobie v 2-kh chastyakh. Ch. I. pod red. M.A. Korostovtseva, I.S. Katsnel'sona, V.I. Kuzishchina. M: Vysshaya shkola, 1980.

9. Khrestomatiya po istorii drevnego mira. pod red. V.V. Struve. T. 1. Drevnii vostok. Vvedenie. M.: Izd-vo Uchpedgiz, 1950.
10. Chegodaev M.A. Drevneegipetskaya Kniga Mertvykh - fragmenty per-evoda i kommentarii. Voprosy istorii. 1994. №9.
11. Erichsen W. Papyrus Harris. Hieroglyphische Transcription. Bibliotheca Aegyptica, vol. V. Bruxelles, 1933.
12. Gardiner A.N. Late-Egyptian Stories. Bruxelles, 1932.
13. Griffith F.LI. The Abidos Decree of Seti at Nauri. Journal of Egyptian Archeology. 1927. Vol. 13.
14. Helck W. Urkunden der 18. Dynastie. Berlin, 1957.
15. Helck W. Urkunden der 18. Dynastie, Lieferung 17. Berlin, 1955.
16. Maspero Q. Du genre epistolaire chez les egyptiens de l'epoque phara-onique. Paris, 1872.
17. Muller W.M. Der Bundnisvertrag-Ramses II und des Chetiterkorigs. Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft. Bd. V, 1905.
18. Sethe K. Urkunden der 18. Dynastie. Leipzig, 1905–1909.
19. Sethe K. Urkunden des Alten Reichs. Leipzig, 1932.
20. Sethe K. Urkunden des mittleren Reiches. Urkunden des agyptischen Altertums, Leipzig, 1932.
21. Taubenschlag R. Law of Greco-Roman Egypt in the Light of Papyri. New York, 1944.
22. Vogelsang F. Kommentar zu den Klagen des Bauern. Leipzig, 1913.
23. Weill R. Les Decrets royaux de l'ancien empire egyptien. Paris, 1912.
24. Wittfogel K. Oriental despotism: a comparative study of total power. New Haven: Yale University Press, 1957.